ОТНОСИТЕЛЬНО ДРЕВНОСТИ СЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА РУМЫНСКИЙ ЯЗЫК

И. ПЭТРУЦ

1. Древность славянского влияния в румынском языке продолжает быть дискуссионным вопросом, хотя по этому поводу высказывали свои мнения ряд лингвистов и историков, как румынских, так и иностранных. Нет надобности подчёркивать важность данного вопроса, как для истории румынского народа, так и для румынского языка. Как хорошо известно, этот вопрос связан с местом формирования румынского народа и его языка, а также со структурой румынского языка.

Мнения лингвистов в отношении датирования древнего славянского влияния, т. е. древнеболгарского на румынский язык, разные, имея в виду здесь, конечно, *начало* периода славяно-румынских языковых отношений.

Если речь идёт о более далёком периоде, о котором почти нет исторических источников, то, естественно, можно ожидать только приблизительную хронологизацию, тем более, как уже отмечено, в отношении древности славяно-румынских языковых отношений, которая связана с другим щепетильным вопросом — датирование формирования румынского языка. Поэтому некоторые лингвисты избегали упоминать какую-либо дату, а другие предлагают период, продолжавшийся или два даже три века [1].

2. Сроки *a quo*, поддерживаемые лингвистами, находятся на протяжении шести веков: самая древняя дата, предложенная О. Денсушяну [2] — это V век, а самая поздняя, — X век, предложена И. Бэрбулеску [3].

---

[1] Например: «славянский элемент начал проникать в румынский язык в древний период, следовательно, до X века, без того, чтобы подниматься по лестнице веков выше VIII века» (Т. Капидан, *Elementul slav în dialectul aromân*, Бухарест, 1925, стр. 45; см. С. Пушкарю, *Limba română*, I, *Privire generală*, Бухарест, 1940); «можно, значит, допустить, что славянские элементы проникли в говор романизованного населения с VII и VIII вв.» (Акад. Ал. Росетти, *Istoria limbii române*, III, *Limbile slave meridionale* (*sec. VI—XII*), V изд., Бухарест, 1964, стр. 33).

[2] «La plupart des éléments slaves pénétrèrent en roumain aux Ve, VIe et VIIe siècles» (*Histoire de la langue roumaine*. I. *Les origines*, Париж, 1901, стр. 241).

[3] *Individualitatea limbii române şi elementele slave vechi*, Бухарест, 1929, стр. IV и др.

В нашем сообщении сделаем несколько констатаций и относительно дискуссий по этому вопросу.

Остановимся, во-первых, на тезисе О. Денсушяну, хотя и старом, но возобновлённом особенно в отношении места славянского элемента в структуре румынского языка.

Несомненно, О. Денсушяну ориентировался, в первую очередь, на исторические данные румынских и иностранных историков относительно появления славян в Дакии, когда он предложил такую раннюю дату. Может ли быть принято это мнение? Славяне были отмечены на Дунае только в первой половине VI века [1].

О. Денсушяну подчёркивает, что ряд хорошо известных фонетических изменений имели место в переходном этапе и закончились до проникновения славянских элементов. Речь идёт о фонетических изменениях особого значения как: *a* носовое $>$ *î*; *t, d, s, n, c, g* $>$ *ţ, ḑ, ş, i̯, č, ǧ*; *l* $>$ *r*; *cl, gl* $<$ *ķ, ģ* и. т. д.

В своём недавнем исследовании акад. Э. Петрович отметил, что определённое число славянских слов подверглось этим фонетическим изменениям, которые ещё не закончились в период первого контакта славян с романским населением (будущие румыны) в Дакии [2].

Следует отметить, что акад. Э. Петрович прав, считая, что эти слова проникли в дунайский романский язык, значит они в румынском языке должны рассматриваться как элементы латинского происхождения. Речь идёт о румынских словах: *şchiau, jupîn, stînă, smîntînă, măgură, măturǎ* [3], которые, как говорится, представляют «*des traces des changements phonétiques qui caractérisent le passage du latin tardif au roumain*» [4]. Это те же фонетические изменения, которые были перечислены и О. Денсушяну, но, которые, как утверждает последний, «относятся к эпохе, предшествующей образованию румынского языка» [5].

Это утверждение кажется неожиданным у такого выдающегося историка румынского языка. Оно, несомненно, находится в противоречии с действительностью и обусловлено тезисом О. Денсушяну, согласно которому славянский элемент представляет собой определяющий фактор в самом процессе формирования румынского языка [6].

---

[1] *Istoria României*, I, Изд. Акад. РНР., 1960, стр. 728 и след.

[2] Эмиль Петрович, *Le latin oriental possédait-il des éléments slaves*, »Revue roumaine de linguistique«, XI, 1966, nr. 4, стр. 313—321.

[3] Его же, *там же*.

[4] Его же, *там же*, стр. 314.

[5] О. Денсушяну, *цит. раб.*, I, стр. 286.

[6] Его же, *там же*, стр. 240—241: «C'est, en effet, à partir de l'invasion slave que le roman balkanique est devenu le roumain, tel qu'il se présente à nous aujourd'hui. Jusqu'alors, le parler que était resulté du latin transplanté sur les deux rives du Danube ne pouvait être considéré que comme une variante dialectale, pour ainsi dire, de l'italien. C'est le contact avec les Slaves qui transforme ce parler en une langue spéciale, toujours romane sans doute dans sa constitution interne, mais sensiblement differente de celles qui sont sorties de la même souche».

Не заметил ли О. Денсушяну, что фонетические изменения, перечисленные нами, которые почти все являются характерными для румынского языка (и лишь некоторые и для итальянского) и которые, как подчеркнул сам автор, древнее контакта со славянами—составляют в первую очередь, ступень перехода от латинской (романской) стадии к румынскому языку?

В другой, особенно важной работе, в Истории Румынии, в главе «Образование румынского языка и народа»[1], не указывается определённой даты начала славяно-румынских языковых отношений. Утверждается, что в течение VI и VII веков «дакомезийские» славяне основывались на севере и юге Дуная, где находилось романское «дакомезийское» население. «На этом дакомезийском пространстве, которое образовало географическое, этническое и культурное единство, имела место романско-славянская жизнь, которая объясняет сильное славянское влияние болгарского типа на румынский язык»[2]. Поскольку в IX веке «может быть назван общерумынским языком язык романского дакомезийского населения»[3], это значит, что проникновение славянских элементов в румынский язык началось намного раньше, имея в виду, что в работе, на которую мы ссылаемся, утверждается, что «о румынском языке, едином и общем для всего народа, чётко отличающемся от народной латыни, не может идти речи до проникновения славян»[4]. Но эта датировка (IX век) не совмещается с утверждением: «фонетические, лексические и грамматические изменения в дакомезийском романском языке, вследствие которых этот язык принял вид общерумынского языка до выделения четырёх румынских диалектов, произошло в длительный промежуток времени между VII и IX веками»[5]. Значит, фонетические изменения, о которых мы знаем, что они свойственны только латинским элементам, отнесены к периоду славянского влияния.

Эти фонетические изменения, несомненно, в значительной мере помогли бы датировать славянское влияние, точнее установить срок *post quem*. К сожалению, датирование этих двух явлений, если можно так сказать, соотносительное.

3. В одной из недавних статей мы утверждали, что начало проникновения славянских элементов в румынский язык относится к периоду после появления гласного *о* (< *ă*) в вокальной славянской системе (IX век), так как румынские заимствования, во всех четырёх диалектах, представляют только стадию *о*, а не предшествующий *а* (бывшее *а* краткое): *bob*, *bogat*, *clocoti* и т. д.[6].

Отметим, что три из упомянутых румынских слов, которые вошли из славянского ещё в романской фазе, предполагают *а* в славянском: *şchiau* < лат.

Несомненно, О. Денсушяну не может быть обвинен в плохом намерении! Речь идет о принятом тезисе — без характерного ему проникновения — от румынских и иностранных лингвистов и направленного против преувеличений латинистского течения, что вытекает из *Введения* к работе, на которую ссылаемся (*там же*, стр. XIII—XXXI).

[1] *Istoria României*, т. I, стр. 775 и след.

[2] *Там же*, стр. 797.

[3] *Там же*.

[4] См. в продолжении «Как язык, так и румынская народность могли кристаллизироваться только в позднейшей фазе периода совместной жизни, за которой следует медленная ассимиляция славянского элемента и его речи, т. е. в VIII—IX в.» (*там же*, стр. 808).

[5] *Там же*, стр. 797.

[6] И. Пэтруц, *Referitor la cronologia elementelor de origine sud-slavă ale limbii române. În legătură cu sl. о şi ǫ*, «Cercetări de lingvistică», XII, 1967, nr. 1, стр. 21—27.

Самая древняя точная форма с *а* > *о* датируется с середины IX-ого века: Σμολεανούς (вин. мн.): сл. *smolěne* (*-ljane*), название племени (Акад. Вл. Георгиев, *Вокалната система в рагвоя на славянските езици*, София, 1964, стр. 54); но формы с *а* появляются и в X веке (его же, *там же*).

sclauu(s) < сл. * *slav-*, ср. ст. сл. *slověninŭ*; *stăpîn* < лат. * *stapanu(s)* < сл. **stapan-*, ср. болг. с-хр. *stopanin*; *măgură* < лат* *magula* < сл. *magula*, ср. новую форму *mogyla* (> рум. *moghilă*, *movilă* и т. д.)[1].

Но, впрочем, и другое хорошо известное явление, имеющее особое значение для исторической фонетики славянских языков, указывает на более поздний период для начала проникновения славянских слов в румынский язык: это эволюция сочетаний *(t)art*, *(t)alt*, *tert*, *telt* при перестановке в южнославянских языках, изменение, которое протекало ещё в начале IX века[2]. Поскольку румынские заимствования представляют более новую славянскую стадию перестановкой (друм. арум. *brazdă*, *grădină*, друм. *grajd(i)*, *ogradă*, *prag*, *mlădiță* и др.: ср. бг. *brazda*, *gradina*, дбг. *graždĭ*, *ograda*, *prag*, *mladica*; а также топонимы: *Zlatna*, *Breazova* и др.), значит они позднее IX века.

Следует отметить здесь ещё два факта:

а. В Греции, где славяне были упомянуты в VI—VII вв., существуют сотни топонимических названий славянского происхождения — исследованные М. Фасмером[3] —, среди которых определённое число без перестановки: Γαρδίκι, Σαλμενΐκον и др. < *Gardĭk-*, *Salmĭnik-*.

б. Некоторые лингвисты считают, что и в румынском языке существуют некоторые элементы славянского происхождения без перестановки: *gard*, арум. *gard-* (ср. алб. *gardh*), друм. арум. *baltă* (ср. алб. *baltë*, гр. βάλία),) друм. *daltă* (ср. алб. *daltë*), ср. бг. *gard*, *blato*, диал. *dlato*[4].

Не будем останавливаться на этих словах, по поводу которых было так много дискуссий. Их фонетизм не противоречит их славянскому происхождению; в этом смысле они входят в ряд слов типа: *șchiau*, *stăpîn*, *jupîn* и др., упомянутых выше. Таким образом, они прибавляются к словам, которые были заимствованы из славянского в дунайском романском языке, следовательно, в румынском языке они должны рассматриваться как элементы латинского происхождения. Тот факт, что и в южнодунайских диалектах заимствования древнеславянского происхождения — некоторые общие для нескольких диалек-

---

[1] Эмиль Петрович, *цит. раб.*, стр. 315—320.

И албанские формы *shqa* «болгар», *magulë* предполагают славянские формы с *a*.

[2] Древнеславянские тексты содержат определенное число примеров с *al* — без перестановки (Ст. Кульбакин, *Le vieux slave*, Париж, 1929, стр. 157—158) и один случай без перестановки — *ol-* (золъта, в *Psalterium Sinaiticum*; его же, *там же*, стр. 158).

Самый древний пример с перестановкой датируется 789 годом: *Dragawitus* (< *Darg-*), имя одного князя племени Венетов на востоке от Одера (А. Вайян, *Grammaire comparée des langues slaves*, I, Лион-Париж, 1950, стр. 162).

[3] *Die Slaven in Griechenland*, Берлин, 1941.

[4] См. Акад. Ал. Росетти, *цит. раб.*, III[5], стр. 102.

На их славянское происхождение указывается и в *Български етимологичен речник* (см. *grad*, *blató*, *dleto*) Болгарской Академии Наук.

Акад. Вл. Георгиев считает, что *baltă* и *daltă* славянского происхождения (*цит. раб.*, стр. 10, 55, 56).

О словах *baltă* и *gard* см. и Гр. Брынкуш, *Observații asupra etimonurilor albaneze din DLRM*, «Studii şi cercetări lingvistice», XII, 1961, nr. 2, стр. 196, 198: считается вероятным славянское происхождение.

Baltă и *gard* некоторыми специалистами считаются «автохтонными» элементами (см. И. И. Руссу, *Limba traco-dacilor*, изд. II, Бухарест, 1967, стр. 109, 202—204, 215—217).

тов[1] — имеют, в общем, тот же фонетизм и это заставляет считать высшим пределом (т. е. сроком *post quem* начала славянского влияния X в., конец периода общерумынского языка.

Примерно такой же период указывает на начало славянского влияния и ситуация еров. Слабые еры не представлены в румынском языке каким-либо звуком: дбг. *sŭvada, sŭvětŭ, pivĭnica, košĭnica* > рум. *sfadă, sfat, pivniță, coșniță*. Этот факт может быть интерпретирован как доказательство того, что слова, имевшие слабые еры представляют в румынском языке явление, последовавшее за исчезновением этих гласных (приблизительно X век)[2]. К такому же выводу ведут и сильные еры, которые выступают вокализованными: *dobitoc, vîrtop, coteț, temniță* < дбг. *dobytŭkŭ, vrŭtŭpŭ, kotĭcĭ*[3].

В древнеболгарских говорах, как указывают древнеславянские тексты, существовал гласный *y*. В румынских формах на его месте последовательно появляется *i*: *bivol, dobitoc, vidră*, ср. ст. сл. *byvolŭ, dobytŭkŭ, vydra*. Замещение *y* через *i* отмечено, хотя и не во многих примерах, в древнеславянских текстах[4]. Фактически мы не знаем точно, как произносился *y* в древнеболгарских говорах, так же как не знаем как произносился и в старославянском. Если он, как утверждается, был близок к русскому *ы*, то в румынском языке можно было бы ожидать его передачи через *î*. В этом случае румынские формы, о которых была речь выше, отражают славянский фонетизм X—XI-ого вв.

4. Возникает вопрос: славянское влияние на румынский язык началось так поздно, лишь в X веке? Было дано и другое объяснение относиттельно нового фонетизма румынских заимствований. Утверждая что славянское влияние началось в румынском языке в VII—VIII вв., акад. Ал. Росетти придерживается мнения, что фонетизм румынских заимствований возобновлялся постоянно, «настолько, что произношение слов было всё время адаптировано к текущему произношению» [славянскому][5].

Из вышеуказанного вытекает, думается, что славянское влияние в румынском языке (не в дунайском романском языке) не может быть древнее X века. До тех пор были заимствованы из славянских говоров в дунайском романском языке, как уже говорили, относительно небольшое число слов как: *șchiau* (арум. *șclau*), *jupîn, stăpîn, stînă, smîntînă, măgură, mătură, sută* и быть может *baltă, gard, daltă* и ещё некоторые. Число их очень невелико.

Мы убедились, что для заимствования этих слов может быть установлена дата *ante quem*, учитывая хронологию некоторых славянских фонетических явлений: *ă* > *o*; перестановка в сочетаниях *(t)art, (t)alt, telt, tert* (IX век); рум.

[1] Состояние этих общих элементов должно быть пересмотрено в свете новых исследований южнодунайских диалектов.

[2] Отметим, что в двух из славянских слов, проникших в дунайско-романский язык, слабый ер не исчез, а сохраняется в виде *u*, потому что соответствующие элементы были заимствованы до перехода *u* краткого в ер (ъ): *mătură* (ср. алб. *netullë*) < лат. **metula* < сл. *metŭla* (см. акад. Э. Петрович, *цит. раб.*, стр. 320); мы добавим еще и *sută* < лат. **suta* < сл. **sŭta*. Собственно и в других языках бывшее *u* краткое передано через *u*, в старых заимствованиях славянского происхождения (ср. латш. *dukurs* < сл. *dŭxorĭ* «хорь», А. Вайян, *Grammaire comparée des langues slaves*, I, Лион — Париж, 1950, стр. 125: фин. *аккипа*: сл. *акйпа* > *окйно* «окно», В.л. Георгиев, *цит. раб.*, стр. 52, 66).

[3] Акад. Ал. Росетти, *цит. раб.*, III[5], стр. 96.

[4] Ст. Кульбакин, *цит. раб.*, стр. 63.

[5] *Цит. раб.*, III[5], стр. 31.

măgură, *mătură*, *sută*: сл. *magula*, *metŭla*, *sŭta* указывают, что они проникли в романский язык до перехода *ŭ* и *й* в *у*, *й* (ъ) в славянском, явление, которое произошло немного раньше, до перехода *ă* > *о* [1].

Как видно, некоторые из этих слов, как и латинские элементы, пережили фонетические изменения, которые отмечают, собственно, фазу перехода от романского к румынскому языку (*а* в носовом положении > *î*, *l* интервокальный > *r* и т. д., см. выше), это те изменения, которые не обнаруживаются в словах, вошедших непосредственно в румынский язык: ср. *rană*, *hrană*, *smoală*, *poală* и др. < сл. *rana*, *xrana*, *smola*, *pola*. Следовательно, переход от романской фазы к румынской, т. е. формирование румынского языка, как языкового единства, отличающегося от других романских языков, осуществляется в VIII—IX вв.

5. Относительно утверждённого до сих пор, считаем необходимым ответить на два вопроса, тесно связанных друг с другом: Как объясняется малое число слов, заимствованных из славянского до IX-ого века (типа: *şchiau*, *jupîn*, *sută* и т. д.), когда, как уже было сказано, топонимы, оставленные славянами в Греции, приблизительно в то же время (VI—VIII вв.) очень многочисленны? И, второй вопрос: Каковы причины, что собственное славянское влияние на румынский язык началось так поздно? Думаем, что ответ может быть следующим:

Отправившись с севера Карпат к югу, славяне, которые спустились на территорию Румынии к востоку от гор, массой перешли Дунай в Римскую империю, заселив весь Балканский полуостров (включительно Грецию), создавая ещё в VII веке государственные организации [2], образуя вместе с тюркскими болгарами Аспаруха первое болгарское государство (во второй половине VII века, около 679 года), которое увеличивалось и укреплялось в ущерб византийскому государству.

На севере Дуная, где сформировалось большинство румынского народа, территория, опустошаемая разными нападающими народами (гепиды, авары и др.); число оставшихся славян должно было быть невелико [3], значит, романско-славянские отношения должны были быть здесь слабыми.

Предполагаем, что число славян, к северу от Дуная, всё увеличивалось, начиная с X века, когда, после эпохи роста и укрепления болгарского государства [4], в середине того же века, начинается период распада государства,

---

[1] А. Мейе — А. Ваян, *Le slave commun*, изд. II, Париж, 1934, стр. 54: «encore au VIIe—VIIIe siècle, la voyelle slave qui représentait un *ŭ* ancien avait assez le caractere d'un *u*». Разумеется, эволюция краткого *и* в *й* (ъ) параллельна и соответствует эволюции *ŭ* > *у*.

Безусловно, период, предшествующий этим фонетическим явлениям, следует считать, с языковой точки зрения, еще общеславянским. Следовательно, в отличие от влияния, имевшего место непосредственно на румынский язык, влияние которое действительно носит болгарскую печать, слова типа *şchiau*, *sută*, заимствованные дунайско-романским языком — как и греческие элементы, заимствованные в тот же период — носит общеславянскую печать.

[2] Отмечены в VII веке две подобные государственные формации, на юге Дуная, одна под названием «Семь славянских племен», в Нижней Мезии, и другая, «Склавиния» в Македонии (*История Болгарии*, I, Москва, 1954, стр. 53).

[3] В Трансильванию они прибыли только к середине VII века (*Istoria României*, I, стр. 736).

[4] Византийская империя, после соглашения 927 года, платила ежегодно дань Болгарии (*История Болгарии*, I, стр. 82, 88).

вследствие внутренних причин, феодальной раздробленности, и внешних: интенсификации кампаний византийцев против них, особенно к концу X века, во время Василия II, заканчивающихся захватом Болгарии после подавления последнего болгарского сопротивления (1014—1018).

В поддержку утверждения, что славянское население не было многочисленным на севере Дуная, до X—XI вв., приведём ещё один аргумент: среди многочисленных топонимических названий славянского происхождения в Румынии, акад. Э. Петрович не нашёл ни одного с сочетанием *un / um* вм. носового *ǫ*, а только *c în /îm (Cîmpina, Glîmboaca)*: сл. *kǫpina, glǫbока*[1]; это свидетельствует о стадии *ă* носового в болгарских говорах. Следовательно, эти названия местностей не древнее XI века[2].

Думаем, что первоначально слабые отношения между романско-румынским населением и славянами были обусловлены пастушеством, практикуемым румынами, которое заставляло их перемещаться с одного места на другое. Высказывалось мнение, и это следует учитывать, что и различие религиозных концепций, может быть, мешало устанавливать более тесные отношения между румынами и славянами до крещения последних, в IX веке (когда крестились и южнодунайские славяне).

6. Вывод: Славянское влияние на румынский язык началось только в X веке, т. е. после процесса трансформации романско-дунайского языка в язык, отличающийся от других романских языков. Тезис, согласно которому славянский элемент является определяющим фактором в самом процессе образования румынского языка, в том смысле, что румынский язык образовался только после славянского влияния, не можем принять.

*

Мы остановились здесь лишь на лексическом славянском влиянии, самом древнем и самом сильном. Славянское влияние в других ярусах языка, даже в фонетике, более позднее и менее важное.

---

[1] *Toponymes roumains d'origine slave présentant le groupe «voyelle + nasale» pour le sl. comm.* * *ǫ*, в «*Contributions onomastiques publiées à l'occasion du VIe Congrès international des sciences onomastiques à Munich du* 24 *au* 28 *août* 1958», стр. 39—40, 41, 43.

[2] См. И. Пэтруц, *цит. раб.*, стр. 27.